

— Господин, он пришёл.

Тихий голос Цуй Чэна раздался за дверью кабинета. Следом за ним, пряча неловкость, вошёл Цуй Байюань. Его одежда, хоть и поношенная, была вычищена и отглажена до безупречности; то же касалось и обуви — простых черных туфель на многослойной подошве. Тонкие, частые стежки выдавали в его жене искусную мастерицу. Умение содержать мужа в достойном виде, имея столь скудные средства, — редкий дар для хозяйки, и в глазах Цуй Люя жена Байюаня уже заслужила репутацию женщины в высшей степени толковой.

Именно поэтому он посоветовал дочерям привлечь её к делам ассоциации. В самом начале пути им была необходима помощница — исполнительная, аккуратная и расторопная. К тому же это был отличный шанс для самой невестки набраться опыта. Когда придёт срок отправляться с Младшим Пятым в Северные земли, она сможет плечом к плечу с женой Цзикана возрождать там величие дома Цуй.

День отъезда неумолимо приближался, и Цуй Люй старался использовать любую возможность, чтобы дать своим людям пройти через испытания здесь, дома. Он не хотел, чтобы на чужбине они застыли в растерянности перед первой же преградой.

Жена Младшего Пятого, которой вскоре предстояло единолично управлять целым поместьем, все эти дни усердно училась у старших невесток. Трое женщин были так поглощены делами, что у них не оставалось времени даже на траты. Деньги, что ждали своего часа в сундуках, за исключением тех сумм, что были потрачены в префектуре на выполнение поручений отца, лежали нетронутыми. В этом была какая-то горькая ирония.

Прежде они не смели тратить, потому что денег не было; теперь же, когда богатство пришло, на него не хватало времени. В такое трудно было бы поверить со стороны. К счастью, в еде и повседневных нуждах они теперь не знали отказа: стоило лишь передать слово на передний двор, как всё желаемое тут же доставлялось. Свёкор полностью отпустил поводья в управлении внутренними покоем, и если поначалу невестки чувствовали себя не в своей тарелке, то постепенно привыкли к жизни, где любая просьба исполняется мгновенно. Собираясь вместе, они порой вздыхали: такая жизнь — истинное блаженство, жаль лишь, что покойная матушка не дождалась того дня, когда батюшка наконец «прозрел».

Несмотря на бесконечную суету, они не чувствовали усталости. Напротив, с каждым днём в них прибавлялось бодрости, походка становилась увереннее, а в речах звучала твёрдость. В каждом их жесте, в том, как они принимали людей или вели беседу, всё больше проступала стать и величие хозяек знатного дома.

Деньги придают смелости даже робким. Тот, у кого туго набит кошель, всегда держит спину прямо. Цуй Люй, будучи свёком, не мог напрямую указывать невесткам, как им сидеть или ходить, поэтому для их скорейшего преобразования он использовал единственный доступный инструмент — богатство.

Он был твёрдо намерен выковать в них благородство и достоинство, пусть даже ценой десятков тысяч лянов серебра.

Когда жена Младшего Пятого покинет родные края, она станет лицом всех женщин клана Цуй. Если в ней не будет внутренней силы, её легко принизят; если не будет сквозить в ней порода, её встретят лишь презрением. Поэтому Цуй Люй сейчас не жалел средств, приучая невесток к роскоши, заставляя их привыкнуть к ощущению серебра, ускользающего сквозь пальцы.

Он не требовал от них бездумного мотовства, но хотел, чтобы они перестали сокрушаться над каждым потраченным грошом. Мир полон тех, кто судит по платью, и Цуй Люй хотел избавить своих близких от горечи унижения, уберечь их от многих тернистых путей.

Деньги прорубают тропы в горах и наполняют паруса ветром — в этом старик был твёрдо убежден.

Цуй Байюаня же он позвал, чтобы обсудить его участие в походе на Север. Помимо него, Цуй Люй отобрал ещё несколько надёжных сородичей, от почтенных старцев до крепких юношей. Вместе со слугами и охраной отряд насчитывал почти сотню человек.

На чужбине одиночка слаб, а малое число — беззащитно. Он отправлял сына учиться мастерству и искать путь к спасению семьи, но это не было суровым испытанием для юношей в духе «начни с нуля». Цуй Люй хотел, чтобы у них было достаточно сил вести дела с местными жителями на равных, в мире и согласии.

Внушительный капитал — вот та опора, которую он давал Пятому и его спутникам.

Когда Байюань вошёл, Цуй Люй склонился над столом, заваленным чертежами. Это были планы старинных поместий, которые Цуй Люй недавно отыскал в кладовых. Когда-то предки возводили великолепные чертоги, но после бесконечных скитаний и смен эпох архитектура клана стала упрощаться. Каждое новое поколение строило всё скромнее и незаметнее, пока наконец от бывшего величия знатного рода не осталось и следа.

Кроме обычных жилых покоев, из поместья исчезли все постройки, подчеркивающие статус семьи: изящные павильоны «се», террасы «сюань», угловые башни на камнях Тайху — места, предназначенные для отдыха и услады взора. Всё это кануло в небытие. Теперь прогуляться можно было разве что между беседками да галереями, а пруды и озёра, некогда дополнявшие архитектурный ансамбль, превратились в затянутые ряской лужи. Унылая стоячая вода в изгибахкрытых галерей, где лениво плавало несколько рыбешек, никак не соответствовала дому богатейшего человека в уезде.

Даже в бедном крае уездный богач должен иметь подобающее окружение. Жилище не может состоять лишь из пяти рядов жилых комнат. Нужны зоны для тихих бесед за вином, уголки для любования цветами, залы для пиршеств и, конечно, сады, которые так любят женщины. Пусть там не будет «буйства ста цветов», но хотя бы цветочные куртины, где дети могли бы играть в прятки, должны быть непременно.

Сам Цуй Люй никогда не жил в подобной роскоши, но в дошедших до него родовых записях хранились свитки с изображениями садов и празднеств. Листая их, он лишь сокрушанно вздыхал, видя, как измельчало его поколение.

Предки велели им скрывать силу, но вряд ли они желали, чтобы потомки прозябали в тесноте и скудости, неся на себе печать мещанской ограниченности.

Глядя на эти старые чертежи, Цуй Люй загорелся идеей. Его всерьёз беспокоило, что домочадцы не умеют тратить деньги, а в самом уезде пока нельзя было разворачивать дела. Нужно было найти благовидный предлог, чтобы пустить серебро в оборот.

Эти непутевые дети, владея огромными средствами, ограничивались лишь парой обедов с однокашниками да покупкой каких-то мелочей. И на этом всё.

Пусть в самом уезде нечего было покупать, но в префектуре-то всегда нашлось бы на что потратиться. Можно было бы нанять лучших актеров, закачать пиры, посоперничать за внимание красавиц в чайных домах... в крайнем случае, сходить поиграть в кости... Кхм, впрочем, Цуй Люй тут же отогнал эти мысли — сделай кто-то из детей подобное, он бы первый взялся за палку.

На самом деле он и сам толком не знал, как правильно распорядиться богатством. Раздать всё сородичам — неразумно, это лишь толкнёт их на путь лени и праздности. В конце концов, он хотел, чтобы и он сам, и его семья научились тратить деньги с умом и во благо.

Обновить поместье, построить для каждого члена семьи собственный двор с отдельным теремом, разбить небольшие сады и дать им волю самим обустраивать своё гнездо — вот тогда, хе-хе, серебро в их руках наконец-то придет в движение.

А когда в уезде начнется торговля и придут заморские диковинки, вопрос о том, как потратить деньги, и вовсе отпадёт. Цуй Люй слышал, что в Баочуане мастерство изготовления стекла достигло таких высот, что стеклом уже заменяют бумагу в окнах. Значит, при перестройке дома он велит в каждом дворе вставить это чудесное, прозрачное стекло.

Именно в разгар этих мечтаний о приятных тратах и появился Цуй Байюань.

— Пусть войдет. И подайте свежего чаю.

Цуй Люй в миг согнал с лица мечтательное выражение и жестом предложил Байюаню сесть.

Тот, явно нервничая, примостился на самом краю стула, готовый в любой момент вскочить. Цуй Люй вздохнул, окончательно прощаясь с грёзами, и мягко заговорил:

— Не бери в голову слова тех, кто горазд только языком чесать. Пустые споры с ними лишь

жизнь тебе отравят. Если кто-то снова начнет заводить волынку о братской любви и долге, ты просто отправь Сунчжоу к ним в дом. Коль скоро они так радеют о родственных чувствах — пусть сами его и любят, а ты их на это благословишь. Байюань, будем честны: между тобой и Сунчжоу нет никакой братской привязанности. То, что ты взялся его воспитывать, — это твой долг как старшего, но сможешь ли ты наставить его на истинный путь — это уже не твоя забота. Когда вы с Младшим Пятым покинете клан, я отправлю этого сорванца в храм Юньтай, в послушники. Пусть пару лет посидит на постных щах да потрудится в поте лица — глядишь, и выветрится из него вся дурь. А если и это не поможет — что ж, пусть коротает век в родовом храме вместе со своим отцом.

Маленький мерзавец, вскормленный той женщиной в полном беззаконии, осмелился грабить собственных деда и бабушку, когда те лежали на смертном одре! Совсем стыд потерял.

Из-за неприязни к Цуй Гу старик Цуй Люй не жаловал и Цуй Сунчжоу. Стоило ему узнать, что мальчишка обидел Байюаня, как он тут же находил повод выпороть его за непочтение к старшему брату. Со временем Сунчжоу стал бояться его как огня. Но в тот день у ворот храма, увидев, что родителей судят, он на миг забыл о страхе и принялся осыпать Цуй Люя бранью. В итоге он получил и плетью, и по губам. Лишь когда реальность наконец дошла до его сознания, он принялся слезно молить Байюаня о заступничестве. Байюань, напуганный его видом и криками, не выдержал и упрямил Цуй Люя отдать брата ему на поруки.

Однако горбатого только могила исправит. Едва раны Сунчжоу затянулись, он снова принялся за старое, разоряя и без того небогатый дом Байюаня. А потом и вовсе подговорил дядю Цуй Юя явиться к Главе и потребовать, чтобы их ветвь исключили из клана.

Смехотворно! Из клана? Кто угодно может уйти, но только не эта семейка.

Цуй Люй не собирался давать повода для сплетен, мол, он вышвырнул родного сына своих приемных родителей на улицу. Он удержит их в клане, чего бы это ни стоило, и Цуй Гу до конца дней своих будет под присмотром.

Он давал клятву на могиле приемных родителей, что позаботится об их семье. Тех, кто достоин — как Цуй Юй или Цуй Байюань — он поддержит. Тех, кто сбился с пути, но еще молод — как Цуй Сунчжоу — попытается исправить. А тех, кто неисправим — запрет навечно. Никто не сможет попрекнуть его или обвинить в неблагодарности. Когда придет его час предстать перед теми стариками в загробном мире, он сможет с чистой совестью сказать, что исполнил свой долг.

Характер у Байюаня был слишком мягким. Он был из тех, кто умеет работать руками, но совершенно не смыслит в житейских интригах. На месте управляющего подле Младшего Пятого — как Цуй Чэн при нём самом — он будет вполне уместен. Но если доверить ему в одиночку лавку или поместье, то приказчики и старосты обернут его до нитки прежде, чем он успеет это заметить.

Цуй Люй не слишком жаловал подобных людей, но, увы, в старшей ветви приемных родителей

больше некого было растить. Как бы ни был хорош Цуй Юй, по законам старшинства он не мог заменить Байюаня. Поэтому Цуй Люю приходилось, скрепя сердце, наставлять его, обучая ответственности главы старшей ветви.

Байюань панически боялся дядю-главу. Даже понимая, что Цуй Люй действует ему во благо, он инстинктивно трепетал в его присутствии. Увидев, как старик нахмурился, он сразу понял: его неумение управиться с Сунчжоу снова разочаровало дядю. Бедный Байюань застыл, не зная, куда деть руки, всем своим видом выражая полную растерянность.

Цуй Люй прижал ладонь к чертежам, а другой принялся массировать переносицу. Помолчав, он произнес:

— Сунчжоу лишился рассудка. Чтобы он не отравлял жизнь тебе и твоей жене, его свяжут и доставят в храм Юньтай. Пусть предстанет перед ликом Будды. Уверен, простая еда и тяжкий труд быстро помогут ему осознать прелесть жизни под крылом сородичей. Всё, хватит. И не смей больше вестись на его притворные слезы. Научись просто не замечать его выходок. Байюань, только когда ты сам начнешь жить достойно, он перестанет водить тебя за нос, как это делал ваш отец.

Байюань побледнел и опустил голову еще ниже:

— Племянник снова расстроил дядю.

Цуй Люй жестом велел ему сесть и вытащил один из листов:

— Это старинный план нашей родовой школы. Посмотри, что из этого можно пристроить к нынешним зданиям, а что — перестроить заново. Обсуди это с Младшим Пятым. Через пару дней начнем работы в школе.

Байюань с детства учился у деда и перенял секреты строительного мастерства. В клане за возведение стен и укладку черепицы всегда отвечала их ветвь. Именно поэтому Цуй Люй со спокойной душой доверил ему чертежи.

— До отъезда отметь те места, что пойдут под перестройку. Что можно изменить — меняй, что нельзя — сноси. Мне нужно, чтобы нынешняя школа стала точной, хоть и уменьшенной копией той, что была у предков. Байюань, о былом величии нашего рода ты можешь судить по этим планам. Если этого мало, у меня есть чертежи всего поместья и всех домов сородичей, что должны строиться в едином стиле.

Судя по чертежам, когда-то клан возводил жилье для всех за общий счет. Правда, Цуй Люй не знал, как именно эти дома передавались сородичам — в дар или в счет долга.

Но как бы то ни было, у него появилась цель. Он восстановит достоинство рода Цуй, застроив

всё вокруг домами в едином, величественном стиле.

У клана Цуй из Цинхэ есть свой герб, и у клана Цуй из Болина он тоже есть. Он велит вырезать герб Болина над каждым воротами. Если в эти края забредет знаток родословных, он своими глазами увидит, что ветвь из Болина не уступит Цинхэ ни в чем, и пусть те даже не мечтают нас поглотить.

Была у Цуй Люя и еще одна мысль. Если беды нельзя избежать, он должен оставить в этом мире след о том, что клан Цуй из Болина некогда существовал. Птица оставляет крик, человек — имя, а великий род не может исчезнуть бесследно, будто его и не было.

Богатство могут разделить, кровную линию — пресечь, но дворцы, мосты и павильоны, возведенные за огромные деньги, — это иное. Если только на их пути не встретится безумный варвар, любой захватчик, увидев столь изысканное поместье, полное дыхания истории, скорее захочет обладать им, чем разрушить. А пока дом стоит — жива и память о его создателях.

В своих видениях он видел людей будущего, которые с благоговением изучали древние постройки. Каждое здание, пережившее смену династий, становилось для них ключом к жизни тех, кто здесь обитал. Исследователи по крупницам восстанавливали прошлое и рассказывали о нём всему миру.

Красота архитектуры — это не только ценность, оставленная предками, это мост, по которому потомки приходят к пониманию жизни своих пращуров. Цуй Люй хотел через камни и дерево рассказать будущим поколениям о взлете и падении своего рода. Сколько бы веков ни прошло, пока стоят эти стены, история Болина не будет стёрта. Он вложит в эти здания культуру своего времени, понимание прекрасного, мысли о морали и долге, о вере и традициях. Он будет говорить с потомками на «языке камня», доказывая, что вековой уклад великого рода нельзя уничтожить простым указом о конфискации.

Если кто-то жаждет искоренить его род — что ж, он оставит после себя нечто столь ценное, что рука любого тирана дрогнет. Слепленный великолепием, он предпочтет занять этот дом, а не сносить его. И так слава клана Цуй из Болина пребудет в веках.

Глаза Цуй Люя азартно блеснули, когда он снова посмотрел на чертежи. Он не ограничится школой. Он бросит всё состояние на то, чтобы возродить величие родового гнезда.

Байюань тоже был потрясен масштабом планов. Нынешняя школа и то, что было начертано на бумаге... Даже в уменьшенном виде такое строительство потребует огромных территорий. Придется занять часть пашен или выкупать дома у соседей.

Цуй Люй уже прикидывал площадь расширения. Тесные хижинки сородичей должны были уступить место новым кварталам. По сути, поселение клана должно было разрастись, заняв добрую половину уездного города.

В отличие от богатых мест, в Хуйцзюе не было деления на Внутренний и Внешний город. Был лишь центр, а за его пределами — непролазная грязь да рытвины. Купцы сюда и носа не совали. Дороги пустовали, и, чтобы добраться до префектуры, не испачкав платья, приходилось подолгу ждать ясной погоды.

Если бы не эта глушь, клану Цуй вряд ли удалось бы сохранить здесь такие огромные земельные наделы. Теперь Цуй Люй понимал, что предки наверняка планировали застроить всё по старым чертежам, но, видимо, сил не хватило, и они ограничились лишь самым необходимым. Неспроста эти планы сохранились в такой безупречной сохранности.

Наверное, они надеялись, что потомки когда-нибудь восстановят былую славу и не дадут вековому роду окончательно превратиться в сборище нищих.

Цуй Люй осознал: то, что спрятано в подземельях поместья, — это не просто память. Это инструмент для возвращения былого достоинства. В мирные времена эти сокровища должны были стать блестящей оправой для имени рода. Пусть сейчас времена иные, но почему бы не превратить эти богатства в прекрасный дар, который клан оставит миру?

Всё лучше, чем позволить жадным чиновникам разворовать это добро.

Что ж, он наконец-то нашёл способ, как Цуй Гу может искупить свою вину. Байюань уедет с Пятым на Север или сможет лишь приглядывать за стройкой. Но это не беда — его отца, запертого в храме, можно вытащить и заставить вкалывать за двоих.

Пусть Цуй Гу был никчемным человеком, в одном ему нельзя было отказать: под палкой своего отца он выучился на мастера, чьё искусство возведения домов было поистине выдающимся. Как бы Люй ни презирал его, он знал: в их ветви талант архитектора у Цуй Гу был самым ярким.

Мудрость предков заключалась в том, чтобы дать каждой ветви рода своё ремесло для выживания. Жаль только, что до нынешних дней дошла едва ли десятая часть этих знаний.

Цуй Люй постучал пальцем по столу и обратился к Цуй Чэну, ожидавшему у двери:

— Вели Чжунхао отобрать людей, искушённых в переговорах. Пора начинать расширение поместья. Нужно занять полосу земли шириной не меньше километра в округе. Пусть договаривается с людьми о переселении. Не скупитесь на компенсации, а если у кого будут особые просьбы — постарайтесь исполнить. Мы годами жили по соседству, не дело теперь вражду затевать.

Не станет же Чжан Ляньцюэ мешать ему строить собственный дом?

Цуй Люй довольно прищурился. Клан займет добрую половину города. Если люди согласятся

на обмен землями, он сможет открыть в своих владениях столько лавок и магазинов, сколько пожелает. Власти вольны указывать везде, но они не могут запретить человеку вести торговлю на собственной земле.

Это будет «путь в обход». Пусть он будет долгим и трудным, но так он добьется своего.

Живого человека нуждой не задавишь. Пусть Чжан Ляньцюэ сидит на своём месте сколько угодно — разве это повод сидеть сложа руки?

Цуй Люй добавил:

— Если кто хочет денег — платите сполна, чтобы им хватило на переезд. Если хотят землю — пусть выбирают из моих лучших пашен. Сделайте так, чтобы люди уходили с радостью. А если ни деньги, ни пашни им не милы — предлагайте дома в других частях города, да отмеряйте земли перед домом и за домом щедро. Никто не должен сказать, что клан Цуй притеснял соседей или силой гнал их с насиженных мест. Хуйцью невелик, скажи Чжунхао: не стоит наживать врагов из-за жалкой горсти серебра.

Цуй Чэн старательно записывал каждое слово. Когда старик закончил, дворецкий осмелился напомнить:

— Господин, как быть с теми деньгами, что вы вложили в причалы Банды речных перевозок? Они в последнее время наседают, требуют вдвое больше прежнего. Боюсь, их аппетиты растут слишком быстро, как бы беды не вышло.

Губы Цуй Люя тронула тонкая усмеха:

— Пусть жируют. Недолго осталось.

Скоро придут первые зимние снегопады. В одну из таких ночей, когда никто не будет ждать беды, озерные волны поднимутся стеной, и контрабандное железо вместе со стеклом, что везут люди из Банды речных перевозок, пойдёт на дно.

Их покровители — не чета Цуй Люю. Они не станут вкладывать деньги, не требуя ничего взамен. Старик знал: скоро эти люди сами приползут к нему с мольбами о помощи.

Тогда-то и начнется настоящий разговор. Он заберет у них несколько судов, и тогда его людям больше не придется платить втридорога за переправу и терпеть унижения. А Младшему Пятому и его спутникам больше не понадобится чья-то охрана, чтобы покинуть Цзянчжоу.

— Послезавтра я сопровожу господина Чжана на пир к главе области. Приготовь подарок. Ничего слишком дорогого не нужно, так... безделушка по случаю принятия наложицы...

Цуй Чэн замялся, решив, что к господину снова вернулась его былая скупость. Всё-таки это дом главы области, слишком дешёвый дар может обернуться конфузом — на таких пирах подарки принято объявлять во всеуслышание.

Цуй Люй лишь загадочно улыбнулся и покачал головой:

— Ты не понимаешь. Делай, как я сказал.

<http://bllate.org/book/16118/1584857>